

Разгадывая головоломку: Краткая правда и новгородское летописание II

В первых десятилетиях XV в. летописание в Новгороде пережило взрывообразное развитие, произведя на свет, по крайней мере, три огромных компиляции – *Новгородскую первую летопись младшего извода*, *Софийскую первую* и *Новгородскую четвёртую* летописи.²²⁹ Совместными усилиями эти три компиляции навсегда изменили облик летописания. Новый тип летописи, позже названный А.А. Шахматовым *сводом*, был решительным разрывом с безраздельно царящим в предыдущей новгородской письменности типом непрерывно ведущейся летописи (представленным, например, *Синодальным списком*). *Своды*, вызванные к жизни технологическим новшеством XV в. – «бумажной революцией» – изготавливались в большем количестве копий, разрабатывали большее количество источников и, что для нас наиболее существенно, задумывались с учётом гораздо более целостного представления о смысле прошлого, доносямого посредством летописного рассказа. В отличие от своих предшественников-анналистов, видевших задачу летописца в том, чтобы довести рассказ до современности прибавкой нескольких сообщений в конце рукописи, авторы сводов рассматривали всю протяжённость летописи как подверженную модификациям. Они решительно вторгались в сообщения об отдалённом прошлом, внося новые тексты

---

229 Упоминание в этом ряду С1 требует комментария. Обычно эту летопись полагают продуктом московского летописания. Однако несомненных доказательств, подтверждающих бы подобное утверждение, весьма мало. Как в отношении содержания, так и в отношении летописных техник С1 явно питается из тех же новгородских инноваций, что и НПЛмл и Н4. Более того, генетически она связана именно с новгородским летописанием, имея общего предка с Н4. Обоснованием её иного происхождения, как правило, служит указание на явную «промосковскую» идеологию, просматривающуюся в редакторской практике её «автора». «Идеологии» различного вида и формы были излюбленным инструментом текстологов советского времени. Первоначально примета суровых времён, в которых для выживания учёным приходилось быть особенно внимательными к различным идеологическим «мессиджам» окружавших их текстов, со временем это стало дурной привычкой. «Идеология», разумеется, понималась как отражение в историческом тексте сиюминутной политической конъюнктуры, как политическая пропаганда. Есть некая самонадеянность в уверенности, что через много сотен лет учёный может правильно распознать изменчивые приметы текущей политики. «Идеология» древнего текста – при практически полной утрате контекста – субстанция неуловимая и уклончивая, которую современный глаз едва ли в состоянии различать со всей отчётливостью, даже допуская, что текст содержит её. Неоднократно исследователи оказывались в состоянии устанавливать различные или даже диаметрально противоположные идеологические предвзятости в одном и том же тексте. Вполне может статься, что С1 действительно заметно благосклоннее к московским князьям, но ведёт ли подобная констатация непременно к выводу о её «московском» происхождении? Не кажется немислимым, что некий сторонник Москвы, каковых в Новгороде в XV в. было, надо думать, немало, занимался летописанием. Напротив, кажется довольно маловероятным, чтобы в двух различных концах Восточной Европы две группы людей *одновременно* занимались бы созданием двух практически *идентичных* летописей (С1 и Н4), используя при этом *идентичные* источники.

из дополнительных источников, либо редактируя уже существующие рассказы. В некоторых же случаях они прибегали к вымышленным сообщениям или даже целым документам.

Ещё одной, резко отличительной, чертой этих новых летописей было внесение (либо в текст, либо в приложения к летописи) значительного числа юридических и исторических памятников: перечней князей, митрополитов, епископов, посадников, русских городов и епископий, а также копий важнейших юридических памятников, имевших историческое и идеологическое значение для истории Новгорода.²³⁰ Как показал Я.Н. Щапов, включение в состав летописных сводов целых юридических сборников не имело смысла с точки зрения практического отправления правосудия. Напротив, и состав сборников, и тексты отдельных памятников в них перерабатывались специально для целей исторических. Внешённые в летопись, эти тексты приобретали мемориальное и «антикварное» значение именно «памятников истории»:

В этой новой форме [юридический] сборник приобретал уже другой, политический смысл, как одна из составных частей литературного идеологического предприятия, направленного на обоснование древних прав Новгорода на самостоятельное существование и независимость от московского великокняжеского стола. Согласно упоминаниям имён в заглавиях памятников, все эти акты относились или ко времени, от которого новгородцы вели свою независимость («великие князья» Ярослав, Всеволод, Владимир Мономах), или к ещё более раннему времени («пятый вселенский собор», «великий князь Владимир»).²³¹

Именно это новое интеллектуальное движение и породило КрП.

В новгородской версии прошлого города существовала идея «Ярославлих грамот». Некогда это были несомненно реальные документы – контракты между князем и городом, упоминаемые несколько раз под 1228–1230 гг.²³² и затем ещё только раз (и лишь в младшем изводе) под 1339 г.²³³ Они, скорее всего, не имели никакого отношения к Ярославу Владимировичу Мудрому. Велика вероятность, что упомянутые под 1228–1230 гг. «Ярославли грамоты» представляют собой ссылку на действительный договор между Новгородом и князем Ярославом Всеволодовичем, главным героем этих летописных известий. «Ярославли грамоты», по всей видимости, должны были быть таким же докончанием, как и позднейшие докончания Новгорода с князьями (например, с великим князем

230 На эту особенность летописей XV в. как признак рождения совершенно нового типа летописных произведений обращал внимание Я.Н. Щапов в замечательной и незаслуженно забытой историками летописания работе: Щапов Я.Н. К характеристике некоторых летописных трудов XV в. *Летописи и хроники*. 1973. М., 1974, 173–186. Ср.: «В этих летописных сборниках нелетописные произведения используются столь необычно для летописания предшествующего времени, что названные своды можно рассматривать как новый тип исторических трудов, появившийся в XV в. Это сложный по составу, многочленный историко-генеалогический и историко-юридический труд».

231 Щапов Я.Н. К характеристике некоторых летописных трудов XV в., 182.

232 НПЛ: 67, 68, 70.

233 НПЛ: 350.

Ярославом Ярославичем тверским (1264, 1266, 1270 гг.) или с великим князем Михаилом Ярославичем тверским (1304–1305 гг.).²³⁴ Примечательно, что окончание Ярослава Ярославича и в самом деле ссылается на грамоты его отца Ярослава.²³⁵ Это, вероятно, и были «Ярославлы грамоты» НПЛмл.²³⁶ Однако к началу XV в., похоже, «Ярославлы грамоты» стали ассоциироваться с иным Ярославом, основателем новгородской государственности.

Когда через двести лет после первого упоминания грамот начался проект массивного переписывания истории Новгорода «Ярославлы грамоты», как некогда реальные документы отношений Новгорода с князьями, уже мало о чём говорили летописцам. Они принадлежали к «седой старине». Для человека, держащего в голове всю протяжённость новгородской истории (а именно такими теперь были летописцы) было бы естественно связать их с наиболее знаменитым из Ярославов, когда-либо княживших на новгородском столе. Так незначительная ремарка в древней летописи дала толчок растущему убеждению, что у истоков государственности Новгорода лежит какой-то особенный документ, изданный Ярославом Владимировичем, некая «Ярославлы грамота». В ней – источник исключительного положения Новгорода среди иных русских земель, документ, от которого можно вести историю новгородских вольностей.

Все главные летописные своды этого времени вспоминают о грамоте Ярослава. Их сообщения, однако, во многом разнятся и хронологией, и частотой Ярославлих «дач», и текстом грамоты. *Новгородская Карамзинская* летопись, которая, как теперь полагают (А. Бобров), лежит в основании компиляции, давшей начало как С1, так и *Новгородской четвертой* (далее – Н4) летописи, сообщает о «Ярославлей грамоте» дважды – под 1020 г. («и дав имь правду и устав, списав грамоту, ркуще: «По сеи грамотѣ ходите; якоже списах вам, такоже держите»») и под 1036 г. («и людемь написа грамоту, рекъ: «По сеи грамотѣ дадите дань»»).²³⁷ Оба случая необыденны в новгородской истории: первая грамота знаменует окончание войны со Святополком, где так отличились новгородцы, а вторая грамота выдана по случаю обретения Новгородом князя, Владимира Ярославича. С незначительными модификациями эта версия была унаследована Н4 и С1 летописями. В С1 сообщения датируются 1019 и 1034 гг. соответственно, а, кроме того, предложен и текст «Ярославлей грамоты», которым оказывается *Пространная редакция Правды русской* с присоединённым к ней *Законом судным людем*.²³⁸

234 *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*, 9–19.

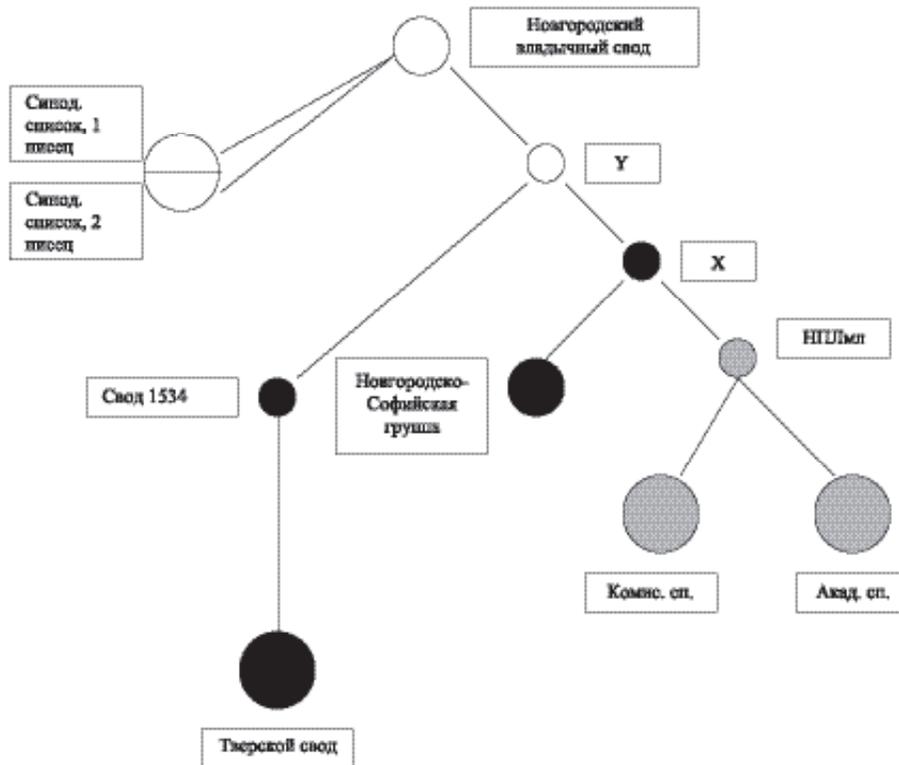
235 *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*, 9–11.

236 О «Ярославлих грамотах» см. недавнюю работу: Петров А. *От язычества к святой Руси. Новгородские усабицы: к изучению древнерусского вечевого уклада*. СПб., 2003, 63–108, где полезной оказывается только библиография.

237 ПСРЛ 42: 62, 63.

238 ПСРЛ 5/1: 90, 127. В С1 можно заметить следы позднейшего редактирования сообщений. Вероятно, не без значения оказывается то обстоятельство, что в списке Царского С1 ПрП под 1019 г. не читается. Судя по тому, что ПрП читается в С1 в соединении с *Законом судным людем*, можно предполагать, что она заимствована из какого-то сборника, сходного с *Мерилем Праведным*, где оба законодательных памятника соединены вместе. О юридических сборниках, ставших источниками

К сожалению, взаимоотношения главнейших новгородских летописных сводов начала XV в. всё ещё далеки от желанной определённости и ясности.²³⁹ При том, что многие детали ещё только предстоит выяснить, не так просто собрать воедино точную цепочку передачи идеи «Ярославлих грамот» в новгородских летописях. Впрочем, предложенная недавно Т.В. Гимом стемма новгородского летописания позволяет набросать контуры картины.²⁴⁰

Генеалогические взаимоотношения новгородских летописей
(черным цветом обозначены своды, передающие ПрП, серым – передающие КрП)

Эта стемма была задумана со специальной целью объяснить передачу гипотетического «Новгородского владычного свода», то есть именно того источника, который, по общему мнению, содержал КрП по крайней мере со второй полови-

текстов в различных новгородских летописях, а также о времени включения их в летописи см.: Щапов Я.Н. К характеристике некоторых летописных трудов XV в., 174–181.

239 Из новейших работ см.: Шибяев М. Редакторские приёмы составителя Софийской 1 летописи. *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: редактор и текст*. Вып. 3. СПб., 2000, 368–394; Бобров А. *Новгородские летописи XV века*. СПб., 2001.

240 Гимон Т.В. Редактирование летописей в XIII–XV вв.: разночтения между списками Новгородской I летописи. *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 57. СПб., 2006, 112–125.

ны XII в. Судя по стемме, НПЛмл представляет собой финальную стадию развития идеи «Ярославлей грамоты». НПЛмл имеет общего предка, обозначенного на стемме как *X*, с так называемой «Новгородско-Софийской группой» летописей, включающей С1, Н4 и *Новгородскую Карамзинскую* летописи. В таком случае, композитный вариант «Новгородско-Софийской группы», то есть два летописных сообщения, сопровождаемые неким текстом «грамоты», должен быть признан более ранним видом, в котором идея «Ярославлей грамоты» появилась в летописи. Исходя из стеммы, однако, очевидно, что шансы КрП и ПрП оказаться текстом грамоты в *X* равны. К счастью, стемма предоставляет свидетельство, которое склоняет чашу весов в пользу ПрП. Как убедительно демонстрирует Гимон, так называемый *Тверской сборник* воспользовался текстом «Новгородского владычного свода» на более ранней стадии (обозначенной на стемме как *Y*), чем «Новгородско-Софийская группа». Важно поэтому отметить, что *Тверской сборник* заимствовал оба сообщения под 1019 и 1036 гг., а также полный текст ПрП, соединённый с *Законом судным людем*, из С1.²⁴¹ Редактор *Тверского сборника* не решился полностью выписать весь текст ПрП, сочтя его слишком длинным, и ограничился регестом:

Здѣ пишеть судебникъ великаго князя Ярослава Владимерича, и потомъ его дѣтей: Изяслава, Святослава и Всеволода, и по них уставъ великаго князя Владимира Всеволодича Манамаха, и потомъ царя Константина великаго; язъ же сіе преминухъ, множества ради²⁴²

Если заботой редактора *Тверского сборника*, как он и признался, была экономия места, то, столкнувшись с возможностью выбора между ПрП в С1 и КрП (предположительно во «Владычном своде»), он остановил бы свой выбор на кратком варианте. То обстоятельство, что он не смог этого сделать, убеждает, что альтернативы у него не было и, следовательно, «Новгородский владычный свод» ещё не содержал КрП.

Таким образом, идея «Ярославлих грамот», как и собственно текст грамоты в образе ПрП, впервые возникает в *X*, то есть общем предке «Новгородско-Софийской группы» и НПЛмл. Судьба этой идеи сложилась различно в различных летописях: некоторые, как С1, сохранили оба сообщения и текст; другие, как *Тверской сборник* или Н4, сохранили сообщения, но опустили текст по соображениям экономии.

Вероятно, теми же мотивами был движим и редактор НПЛмл. В отличие от своих коллег, он, однако, не решился совершенно выбросить «Ярославлю грамоту». Его решение состояло в том, чтобы предоставить читателю синопсис её текста, внешне напоминающий настоящую грамоту. Как было указано в одной из предыдущих глав, КрП вместе с некоторыми другими текстами оказалась в составе НПЛмл на довольно поздней стадии, непосредственно перед тем, как та обрела свой нынешний вид. Вероятно, именно это последнее по времени редак-

241 ПСРЛ 15: 141–142, 147.

242 ПСРЛ 15: 141–142 (выделено мною – А.Т.).

торское вмешательство стало причиной сбоя в хронологии, благодаря которому Ярослав выдал грамоту новгородцам в 1016 г., а не в 1019 г. Автор мог ориентироваться на хронологию *Синод.*, где война со Святополком завершается в 1016 г. Вдобавок, в рамках всё того же редакторского усилия вторая грамота Ярослава 1036 г. исчезла из текста НПЛмл.

Но не бесследно. Сообщение под 1036 г. прямо утверждает, что вторая грамота Ярослава каким-то образом (а в рамках летописной концепции – навеки) регулировала порядок выплаты Новгородом даней в пользу великих князей. Примечательно поэтому, что (после упоминаний начала XIII в.) «Ярославля грамота» всплывает в НПЛмл ещё только один раз и именно в контексте выплаты татарской дани (выхода) Ивану Даниловичу Калите. Под 1339 г. НПЛмл сообщает, что новгородцы отказались платить ему дополнительный выход, напомнив князю: «того [у насъ] не бывало от начала миру, а ты цѣловаль крестъ к Новугороду по старой пошлинѣ новгородчкои и по Ярославлимъ грамотамъ».²⁴³ И событие, и ссылка новгородцев на грамоту известны и по другим новгородским летописям.²⁴⁴ Нет сомнения, что летописцы и в этом случае (как и в упоминаниях «Ярославлих грамот» начала XIII в.) имели ввиду одну из двух грамот Ярослава Мудрого. С1 прямо так и заявляет: «Того не бывало от начала миру. А ты, г(о)с (поди)не, целоваль кр(е)сть къ Новугороду по старой пошлинѣ новгородьскои, по грамотам прадѣда своего великаго кн(я)зя Ярослава Вьлодимерича».²⁴⁵ Это сообщение есть далёкое эхо «грамоты 1036 г.»

При всем сказанном, противоположная гипотеза, состоящая в том, что изначальным был вариант НПЛмл (то есть, КрП под 1016 г.), из которого впоследствии вырос распространенный вариант С1-Н4 (два упоминания *Правды* плюс текст ПрП), не выглядит безнадежной. Дело в том, что в Н4 осталось свидетельство знакомства с вариантом, представленным в НПЛмл. Хотя сообщение о выдаче новгородцам *Правды* Н4 датирует 1020 г., в ее источнике текст грамоты читался под 1016 г. По каким-то соображениям (а, скорее всего, под влиянием «длинной хронологии» событий войны со Святополком в ПВЛ) редактор Н4 сообщение под тем годом сократил, но следы остались: в конце статьи 1016 г. читается в виде заголовка: «О правдѣ. Правда Рускаа». Возможны два толкования этого обстоятельства: либо вариант НПЛмл предшествовал варианту С1-Н4, либо редактору Н4 были известны обе истории «Ярославовой грамоты» (что лучше согласуется с изложенной выше версией).

Как бы ни перетасовывать взаимоотношения новгородских сводов начала XV в., в любом случае ясно, что *Краткая редакция Правды русской* была создана, чтобы снабдить читателя летописи удобным и необременительным текстом

243 НПЛ: 350.

244 Например, в С1 (ПСРЛ 6/1: 411), откуда заимствовано в *Московский летописный свод конца XV в.* (ПСРЛ 25: 172) и в *Воскресенскую летопись* (ПСРЛ 7: 205); в несколько сокращённом виде (без упоминания «Ярославлих грамот») – в *Ермолинской* (ПСРЛ 23: 105) и *Никаноровской* (ПСРЛ 27: 64) летописях, а также в «Новгородской летописи по списку Дубровского» (ПСРЛ 43: 112).

245 ПСРЛ 6/1: 411.

«Ярославлей грамоты». Она создавалась в расчёте на летопись и никогда вне летописи не существовала.²⁴⁶

---

246 По существу, создание *Краткой правды* представляет собой подлог, фальсификат. В таких случаях для полной уверенности в том, что «преступление» состоялось, обычно требуют указания на мотив. Ясно, что, поскольку КрП писалась как часть *исторического* сочинения, обычный мотив для создания подложных грамот – материальная выгода – здесь не имел места. Стимулы же для создания *исторических* фальсификатов могут быть различны, но, в конечном итоге, все помещаются в широкий разряд попыток «улучшения истории». Указать на тот несомненный и единственный из возможных мотивов, который действительно заставил человека взяться за перо, можно было бы, только зная личность фальсификатора и детали его биографии. В своё время Шахматов идентифицировал автора «Софийского временника» как автора биографических заметок в Н4 под 1371, 1382, 1405, 1406, 1411 гг. Матвея Михайлова, которого, далее, отождествил с Матвеем Кусовым, упомянутым в колофонах нескольких новгородских рукописей начала XV в. (см.: Шахматов А.А. Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись. Шахматов А.А. *История русского летописания*. Т. 1. *Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды*. Кн. 2. *Раннее русское летописание*. СПб., 2003, 382). Именно этот Матвей Кусов, по мнению Присёлкова, разыскал в приложениях к «Начальному своду» текст КрП и, «понимая драгоценность этого древнего текста и желая сберечь его для будущего, [...] решил включить его в самое летописное повествование [...]» (Присёлков М.Д. Задачи и пути дальнейшего изучения «Русской Правды», 241). Если догадки Шахматова и Присёлкова верны, обретаем нашего «подозреваемого». Матвей Михайлов сообщает о себе довольно много (гораздо больше, чем мы знаем о большинстве летописцев): он родился в 1371 г., его отец умер в 1382 г., а жена (у Шахматова ошибочно – мать) – в 1405 гг.; он женился вновь в 1406 г., а сын Киприан родился в 1411 г. Увы, из этих биографических подробностей ничего не следует для определения мотива. Впрочем, Матвей Кусов, как отметил Шахматов, интересовался летописанием: все три колофона рукописей содержат летописные известия, отыскивающиеся и в Н4. Это, впрочем, опять возвращает нас к мотивам исторического и антикварного порядка.

К сожалению, как и в любом другом вопросе о летописании, на эту догадку существует опровержение. Я.С. Лурье указал, что Матвей Михайлов не мог быть автором «Софийского временника», так как записи из его семейной истории отсутствуют в *Софийской первой* и *Новгородской Карамзинской* летописях и, следовательно, суть прибавления именно Н4 на более позднем, чем «Софийский временник» этапе (см.: Лурье Я.С. *Общерусские летописи XIV–XV вв.* Л., 1976, 82). Лурье даже полагал, что Матвей Михайлов не имел отношения к составлению Н4, но редактор летописи, «пополняя текст своего оригинала по какому-то дополнительному новгородскому летописцу, [...] включил туда наряду с другими местными новгородскими известиями и личные записи Матфея Михайлова конца XIV – начала XV в.» (Лурье Я.С. *Общерусские летописи XIV–XV вв.*, 82, прим. 48).

Таким образом, Матвей Михайлов не причастен к составлению НП/мл или какого-либо её источника. Это означает, что мы теряем единственного «подозреваемого». Но в этом случае, автор КрП остаётся анонимен, и выбрать из группы вероятных тот единственный мотив, которым он действительно руководствовался, не представляется возможным.

Вместо того, чтобы гадать *почему*, полагаю, достаточно продемонстрировать, *как* сделана КрП.